

Научная статья

УДК 82.0

doi: 10.17223/19986645/99/11

Проблема obscene лексик в художественных текстах (вопросы стилистики, поэтики и «правды жизни»)

Снежана Владимировна Крылова¹

¹ Государственный университет просвещения, Москва, Россия, sv.krylova@guppros.ru

Аннотация. На примере творчества М. Горького, представителей военной и деревенской прозы XX в. сделана попытка развеять современный миф о необходимости obscene лексик в художественных произведениях как реализации «правды жизни». Приведены конкретные примеры фрагментов классических текстов, в которых обрисована конфликтная или неформальная ситуация, описана, но не выражена словесно матерная брань. Поставлен вопрос о причинах речевого целомудрия классиков, из которых проблема табу занимает определяющее и формирующее уровень текста место. Поэтика запрета работает на благородство образа автора и его художественного текста, формирует и читательский вкус.

Ключевые слова: влияние табу на поэтику, obscene лексика как приём, проблема благородства текста, духовные последствия стилистической позиции автора

Для цитирования: Крылова С.В. Проблема obscene лексик в художественных текстах (вопросы стилистики, поэтики и «правды жизни») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2026. № 99. С. 215–234. doi: 10.17223/19986645/99/11

Original article

doi: 10.17223/19986645/99/11

The problem of obscene language in literary texts (issues of stylistics, poetics, and the "truth of life")

Snezhana V. Krylova¹

¹ State University of Education, Moscow, Russian Federation, sv.krylova@guppros.ru

Abstract. The aim of this article is to dispel the contemporary myth regarding the necessity of obscene language in literary works as a means of realizing the "truth of life," drawing on the works of Maxim Gorky and representatives of 20th-century war and village prose. The research employs cultural-historical, descriptive-functional, and comparative methods. The author's position is evaluated on the basis of the axiological method. Concrete examples are provided from fragments of classical texts depicting conflictual or informal situations where profane swearing is described but not verbally expressed (M. Gorky's stories "Chelkash" and "The Watchman," the play *The Lower Depths*, K. Simonov's novel *Days and Nights*, V. Nekrasov's novel *In the Trenches of Stalingrad*, excerpts from V. Shukshin's film stories, and others). The question is raised

concerning the reasons for the linguistic chastity of the classics, among which the problem of taboo occupies a determining place, shaping the textual level. The article analyzes the methods of avoiding unprintable vocabulary and their skillful variability, determined by a sense of taste, proportion, and stylistic sensitivity. The destruction of normativity in the 1990s is demonstrated through the example of V. Astafiev's novel *Cursed and Killed* and the reaction to it from colleagues and readers. The study concludes that the poetics of prohibition enhance the nobility of the author's image and their literary text while cultivating the reader's aesthetic sensibility. Lifting taboos does not equate to authenticity. Contemporary popular writers have abandoned the nobility of artistic expression. Obscene language in literature invariably signals a descent into spiritual degradation, verbal vulgarity, and moral flaws. It vulgarizes linguistic culture, erases boundaries between beauty and repulsion, traumatizes intellectual readers, and justifies the crassness of unrefined audiences. The reluctance of modern writers to replace obscenities with euphemisms or descriptive techniques, coupled with editors' refusal to substitute offensive vocabulary with ellipses, reflects a destructive publishing policy. Under the guise of "truth of life," this approach legitimizes profanity as a supposedly inherent linguistic identity, deliberately demeaning and discrediting Russian society.

Keywords: influence of taboo on poetics, obscene language as device, problem of textual nobility, spiritual consequences of author's stylistic position

For citation: Krylova, S.V. (2026) The problem of obscene language in literary texts (issues of stylistics, poetics, and the "truth of life"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 99. pp. 215–234. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/99/11

Введение. Постановка проблемы

Данная статья родилась из многолетнего опыта общения со студентами гуманитарного направления (в основном филологами и историками), из наблюдений за соотечественниками и собственными детьми с их окружением (рождены в 1990-е гг.), из личного общения с современными писателями, анализа произведений современной литературы.

Начнём с «правды жизни». Именно так пермский писатель Павел Селуков обозначает широчайшее использование мата на страницах своих «неинтеллигентных» рассказов, щедро изданных серией сборников в самом модном издательстве АСТ (Редакции Елены Шубиной)¹. В 2021 г. автор этих строк вступила с писателем в переписку на страницах соцсети Facebook², выразив надежду на то, что Селуков когда-нибудь повзрослеет и уйдёт от использования непристойной лексики. Главным ответом уязвлённого творца была фраза: «Вам нужен другой народ». И в чём-то он прав. Языковая культура русских на глазах распадается. И, значит, писатель – лишь зеркало жизни?

¹ Селуков П. Сборники «Халулаец», 2019; «Добыть Тарковского. Неинтеллигентные рассказы», 2019; «Как я был Анной», 2021.

² Принадлежит компании Meta. Внесена Минюстом РФ в перечень экстремистских организаций.

Павел Басинский на своём творческом вечере в ЦДЛ (апрель 2022 г.) высказал на эту тему интересную точку зрения: «Раньше это была запретная лексика и потому она скопила в себе огромную энергетику. Так что пусть эти писатели не прикрываются правдой жизни. Для них это приём. Мы уже имели великую литературу о войне. На ней тоже звучал мат, но в литературу он не проник. Писатели и поэты нашли свой язык о той правде. Сейчас у нас два пути: 1) ждать, пока использование мата перестанет быть интересным, потеряет свою новизну и энергию или 2) цензура»¹.

Борьба за высокую красоту русского слова, кажется, уже проиграна, но очаги её всё ещё вспыхивают в медийном и научном пространстве.

Так, сын знаменитого детского писателя Дмитрий Лиханов, автор романа о герое Афганской войны «Звезда и Крест» (2020), признался, что его отец, Альберт Лиханов, незадолго до смерти читал только что вышедшую книгу и посоветовал убрать минимальное вкрапление мата, которое позволил себе сын для передачи мыслей молодого героя и в сцене боя [1]. Дмитрий Альбертович согласился с мнением мэтра и принял решение переиздавать роман без скверной лексики².

И напротив, один из вдохновителей и открывателей «правдожизненного» Селукова, умница и эрудит Леонид Юзефович, лично передавший его тексты Е.Д. Шубиной, в программе Сергея Шаргунова «Открытая книга» признался, что раньше брезговал матом, а теперь матерится³. Комментировать этот факт он не стал.

Лингвисты и культурологи с начала XXI в. бьют тревогу по поводу легитимизации матерной лексики во всех сферах социальной жизни и особенно в интернете. Н.Р. Москвина назвала использование мата «социокультурной проблемой современной молодежи» [2. С. 306].

Ещё раньше эту проблему ощутил писатель Михаил Веллер⁴. В 2006 г. он выпустил сборник эссе под говорящим названием «Песнь торжествующего плебея». Одной из знаковых частей в книге стал текст «Мат: сущность и место», в котором утверждалось, что сущность мата – табу и указание на неформальность общения. В эссе несколько раз употреблены матерные слова для примера (вероятно, и в подтверждение эпатажного название сборника), но вывод сделан безупречный и с этической, и с эстетической точек зрения: «Наличие языковых табу всегда и во всех развитых языках говорит об объективности этого процесса. Табу есть обогащение языка и усложнение его структуры. Отмена табу – есть обеднение языка и упрощение его

¹ Вечер Павла Басинского в ЦДЛ 01.04.2022. URL: https://vk.com/wall-40517944_29676

² Дмитрий Лиханов. Звезда и крест. Программа «Открытая книга» от 8 декабря 2022. URL: <https://smotrim.ru/video/2524269?ysclid=m5feupwgry61911942> (дата обращения: 02.01.2025).

³ Леонид Юзефович. Поход на Бар-Хото. Программа «Открытая книга» от 7 марта 2024. URL: <https://rutube.ru/video/a0ee872c5b02b4d189defa002973b894/?r=plemwd>

⁴ Включён в список иноагентов 5 апреля 2024 г.

структуры. Эти периоды ложатся на эпохи упадка цивилизаций, размывание морали и энтропию социума» [3. С. 237].

Итак, упрощение языка, размывание морали и энтропия социума. Популярный писатель был отчасти услышан. Тем не менее уже с 2020-х гг. начинается постепенный процесс легитимизации мата даже в научной среде. Так, почтенный воронежский профессор Г.Ф. Ковалев, публикуя статью о мате в рейтинговом журнале¹, дерзнул дать ей пафосное название «Русский мат как часть национального достояния», привести ряд примеров по поводу распространения скверных слов в разных сферах жизни и словесного творчества и сделать вывод: «...вся “нехорошая” лексика – исконно родная, славянская, связанная тысячами нитей с общенациональным лексическим богатством всех славянских языков, с творчеством наших творцов слова, поэтому негоже лингвистам отворачиваться от неё. Писателям же можно ею пользоваться, когда без этой “нехорошей” лексики теряется содержательность и образность произведения, а также его языковая идентичность» [4. С. 181]. То есть со страниц приличного научного журнала четыре непристойных корня объявлены абсолютно серьёзно «общенациональным лексическим богатством» и «творчеством... творцов».

Давайте посмотрим, как это богатство игнорировали наши классики в своих далеко не пасторальных сюжетах в то время, когда буквальное воспроизведение табуированной лексики в силу общественных установок было просто невыносимым.

Опыт Максима Горького

Максим Горький – великий поборник правды и мечтатель. Правду он видел в изображении как прекрасного, так и «свинцовых мерзостей дикой русской жизни» [5. С. 193]. Его автобиографический герой из самой драматичной части трилогии «В людях» сталкивается с развратом, грязью, подлым отношением к женщине, обманом, но нигде повествователь не опускается до воспроизведения языкового низа. При этом книга получилась абсолютно правдивой. Служба в доме родной сестры его бабушки была полна несправедливости, унижений. Пытливый ум мальчика замечал и запоминал слова и их интонации. Матрёна Ивановна – своеобразная антибабушка – поражает своей подлостью, злобой, отсутствием ума и грязной речью. Цитирует ли Горький её дословно? И да, и нет.

Вот она уязвлена грубым обращением с собой любимого сына Виктора: «Та-ак? Это ты мать к чёрту послал, сукин сын? Ах ты, стыд мой полуночный, заноза проклятая, дьявол тебя в душу мою засадил, сгнить бы тебе до рождения!» [5. С. 269]. Вероятно, была в её речи и откровенная похабщина, но рассказчик уходит от этого: «Она говорила слова грязные, слова пьяной улицы – было жутко слышать их» [5. С. 269].

¹ Важное примечание: «Статья публикуется при финансовой поддержке издательства “Социально-гуманитарное знание” (решение № 210584)» [4. С. 192].

Образ жизни и мышления Матрёны Ивановны низменны и мутны. Юный герой испытывает к ним сложные чувства: «Об отношениях мужчин к женщинам она говорила всегда изумительно грязно; сначала её речи вызывали у меня отвращение, но скоро я привык слушать их внимательно, с большим интересом, чувствуя за этими речами какую-то тяжкую правду» [5. С. 270].

Юный герой вовлечён в пошлые разговоры взрослых людей, он ежедневно видит и слышит скабрёзную речь, циничные комментарии. В тексте это отображено следующим образом: «На дворе неустанно кипело то, что называется развратом, распутством, – звериный, неукротимый голод здоровых парней. Эта жизнь, насыщенная жестокой чувственностью, бессмысленным мучительством, грязной хвастливостью победителей, подробно и цинично обсуждалась моими хозяевами за обедом, вечерним чаем и ужином» [5. С. 271].

А теперь давайте представим, что Горький решил сделать всё, как было на самом деле: добавить косноязычия, матерного бахвальства, похабщины. Что-то изменилось бы? Всё! Это был бы уже другой текст. И вовсе не из-за пресловутой «правды жизни», а из-за того, что ушло бы главное зерно повести, её нравственный фундамент – история созревания благородной души талантливого ребёнка, ещё не знающего о своём таланте, но уже инстинктивно растящего его в абсолютно не приспособленных для этого обстоятельствах. Добавь Горький мата в речь отрицательных персонажей, победила бы грязь и пошлость. Она подмяла бы под себя и образ рассказчика. Следовательно, мы неизбежно сталкиваемся в вопросах употребления обсценной лексики не только с проблемами нравственности, но и стиля, вкуса, художественного слуха, духовной состоятельности писателя. В основе этой стилистической стратегии лежит признание табу. Но ведь и обход запрета вынуждает писателя быть изобретательным, точным, избегать повторов там, где грубая, примитивная языковая действительность эти повторы предполагала.

«В людях» – произведение, так сказать, кондового реализма, написанное уже зрелым писателем (1914). Посмотрим, как проявилось отношение к низменной лексике чуть раньше, в романтический период творчества Горького. Пьяница и портовый вор Челкаш (1894) описан с симпатией. Он для Горького свободная душа. На протяжении рассказа герой совершает кражу, ссорится и дерётся с напарником, затем с негодованием расстаётся с этим жадным и жалким «христианином». Современные адепты мата постоянно говорят нам о его незаменимой энергии, о мощной языковой стихии обсценитизмов и якобы уникальных возможностях (эти мифы о мате квалифицированно и беспристрастно проанализированы в блистательной статье М.Р. Шумариной [6]). Посмотрим, как отражена эмоциональная палитра острых сцен в хрестоматийном рассказе Горького.

Вот похмельный и недобрый Челкаш откровенно дразнит таможенного сторожа. Весь диалог наполнен нападками, подзуживанием Челкаша, наслаждающегося смятением, а потом и бешенством собеседника. И в финале – описание состояния сторожа, его крайнего негодования: «Возмущенный Семёныч затрясся, брызгая слюной и пытаясь что-то сказать. Челкаш отпустил его

руку и спокойно зашагал длинными ногами назад к воротам гавани. Сторож, неистово ругаясь, двинулся за ним» [7. С. 11]. Вместо прямой бранной речи – речевой жест, бешенство. И сцена восхищает своей точностью.

Настроение Челкаша стало лучше. Новые встречи, предстоящее дерзкое ограбление вселяют в него азарт, но отсутствие напарника вызывает досаду: «Челкаш про себя обругался, думая, что одному, без Мишки, пожалуй, и не справиться с делом» [7. С. 12]. Вновь фигура умолчания вместо конкретных бранных слов. И дело здесь не в правде жизни, а в эстетике. Повтор одной и той же лексики (а она чудовищно однообразна, как бы ни хвалили её «ценители») сослужила бы откровенно тёмную службу. Для молодого Горького его герой – артист, строящий свою жизнь по стихийному вдохновению. Циничная грубость любой брани, тем более матерной, занижала бы симпатичный автору образ, лишала его творческого ореола, потому что мат не созидает, он разрушает, а Горький-романтик желал видеть в портовом воре пусть и хаотичное, но созидательное начало. Табу вновь работает на поэтику рассказа.

Челкаш встречает простоватого Гаврилу, поддевает его словами, издевательски тестирует его, называет дураком. Челкаш – босяк. Вероятно, слова его были и более чудовищными, но Горький (только ли в силу запретов?) уходит от этой «правды жизни», потому что видит в герое незаурядность и ценит это. Мат нивелировал бы эту самобытность. Герой рассказывает Гавриле о предстоящем «деле» и подпавивает парня в кабаке. Пьяный бездумный Гаврила, его грубая речь вызывают у него насмешливое презрение: «Гаврила попробовал подняться, но не смог и, крепко обругавшись, засмеялся бессмысленным смехом пьяного» [7. С. 18]. Опять вместо прилежного цитирования недалёкого и неумного героя – упоминание низких слов. Эстетическое чутьё творца всегда подсказывает, что жизненная ткань, особенно в её словесном проявлении, требует не копирования, а как минимум монтажа, непременно изъятия лишнего. Неслучайно столь ограничена техника *verbatim* (дословно) в современной драматургии (см. об этом [8]).

Во время самого предприятия Челкаш вновь противопоставлен Гавриле своим острым переживанием красоты моря, родственности его стихии. Гаврила вызывает в Челкаше раздражение. Это отражается в его злых репликах и приказах. И вновь вместо обсценизмов Горький выбирает описательность: «Греби! Резкое ругательство потрясло воздух. Гаврила взмахнул вёслами» [7. С. 21].

Ритмически и эмоционально рассказ выписан изумительно. И даже повторяющийся корень *руг* использован писателем с разными морфемами и в различных частях речи. Горький очень точен в передаче столкновения двух противоположных темпераментов. Уже после кражи между поделщиками состоялся разговор о будущем, где обоюдная несовместимость стала ещё очевиднее. И тем не менее писатель добавляет важную языковую характеристику: «Садись, тюлень, в вёсла! – кратко скомандовал Челкаш, почему-то сдержав в себе целый поток горячей ругани, хлынувшей ему к горлу» [7. С. 31]. Казалось бы, для контраста писатель мог предыдущие сцены дополнить, «украсить» матом. Горький уходит от этого. Весь рассказ – история

противостояния, и заканчивается он дракой и окончательным разрывом героев. Но ни в единой сцене, даже в моменты ссор, Горький не оскорбляет свой текст ни одним гнилым словом. Речь героев яркая, индивидуализированная и вполне отвечает правде жизни. Красота свободного человека для молодого писателя заключалась и в его языковом облике. А мат – это рабство. Интуитивно Горький осознаёт это. Таких примеров у писателя десятки. Власть табу, таким образом, формирует не только стилистический, но и нравственный уровень текста.

Стала бы пьеса «На дне» тем шедевром, который до сих пор не сходит с подмостков мировой сцены, если бы Горький отразил в речи опустившихся людей мат? А ведь там были и пьяницы, и вор, и продажная женщина. И большинство разговоров в ней ведётся с похмелья или в пьяном виде.

Другой пример. Кульминацией рассказа «Сторож» (1922) является омерзительная сцена сатанинской «церемонии» посвящения дьяволу спившегося студента. Рассказчик назвал её «одним из наиболее тяжких впечатлений бытия моего» [9. С. 160]. Сцена проходит в московской ночлежке, и вынужденным свидетелем её становится молодой рассказчик, бросившийся в финале на кощунников и избитый ими до полусмерти. В силу табу Горький не мог добавить срамных слов в «кощунственную литургию» [9. С. 163]. Он описывает реакцию на них героя, в которой оценочность имеет не только нравственный, но и метафизический уровень: «Трудно было удивить меня бесстыдством, – слишком много видел я его в разных формах, – но эти люди пели нечто невыразимо мерзкое, обнаружив сочетанием бесстыдных слов и образов, поистине, дьяволу фантазию, безграничную извращённость. Ни прежде, ни после этого, до сего дня, я не слышал ничего извращённого более утончённо и отчаянно. Пять глоток изливали на человека поток ядовитой грязи, – они делали это без увлечения, а как нечто обязательное, они не забавлялись, – а – служили, и ясно было – служат не впервые, церемония уничтожения человека развивалась гладко, связно, торжественно, как в церкви» [9. С. 163]. Запрет вынуждает писателя искать сравнения, эпитеты, метафоры, описывать состояние людей во время речи и реакцию на неё слушателя. Уход от обсцентизмов обогащает язык творца, делает его изощрённым.

Горьковский герой всегда отталкивается от мерзости жизни, не впускает её ни в себя, ни в сердце читателя, потому что внутренне устремлён ввысь, к свету мысли, культуре, красоте. Парадоксом рассказа «Сторож» является открытие, что духовная мерзость бывших людей из числа образованных может оказаться куда гнуснее пира плоти грешников из народа. В сатанинском обряде Горький, атеист и романтик, увидел бездну, клеветавшую на красоту мироздания: «...здесь свински подрывали самый корень жизни, отравляя гноем большого воображения таинственно прекрасные истоки её» [9. С. 166]. Почему писатель не сделал мир своего героя и мир падших более контрастным за счёт низовой лексики? Потерял ли он из-за этого правду? Нет. Приобрёл! Как приобрёл её и читатель. Потому что не было бы высоты и благородной скорби в облике рассказчика. Дословными «цитатами» он растоптал бы нечто и в самом себе. Так работает поэтика табу.

Павел Басинский в своей книге о девяти последних днях Горького приводит воспоминания сиделки писателя О.Д. Чертковой о том, как классик «в беспамятстве вдруг начал материться. Вслух» [10. С. 25]. То есть низменный речевой пласт, которым всю жизнь брезговал Горький-писатель, всё-таки прорвался у него на смертном одре. Но в творчество великий правдолюб его всё-таки не впустил.

Настоящим писателям интересны разные типы, в том числе и те, что не умеют выразить себя любым словом, не только бранным. Зачем-то ведь жив человек, зачем-то пришёл в этот мир. Думается, уместным будет привести ещё один пример из творчества друга Горького, Л. Андреева. В потрясающем «Рассказе о семи повешенных» (1908) он рядом с образованными революционерами вывел судьбы двух преступников – примитивного, жестокого и дремучего эстонца Ивана Янсона и неряшливого, вечно возбуждённого убийцу Мишку Цыганка. Андреев внимательно наблюдает за их душами в тюрьме, рассказывает об их прошлом. И если у молчаливого Янсона протест против приближающейся казни столь же косноязычен, как его жизнь, то Цыганок привыкает к мысли о смерти через несколько стадий, которые скорбно и с состраданием констатирует автор. В том числе это и поток матерной брани, извергшийся из разбойника в один из вечеров сразу после продолжительного звериного воя: «...целый час, не переводя духа, ругался по матерщине.

«У, такие-сякие, туда-та-та-та! – орал он, выворачивая налившиеся кровью глаза. – Вешать так вешать, а не то... У, такие-сякие...» [11. С. 69]. Вероятно, словесная гниль была настолько омерзительной, что Андреев усилил её эффект за счёт изображения реакции караульщика: «И белый как мел солдат, плача от тоски, от ужаса, тыкал в дверь дулом ружья и беспомощно кричал: «Застрелю! Ей-Богу, застрелю! Слышишь!» [11. С. 69]. Сила воздействия этого рассказа колоссальна не только из-за потрясающего психологизма, языковой точности, но и из-за позиции автора, заставившего своего читателя к каждому человеку, даже гнилому насквозь, подойти с Христовой мерой, как к ближнему. Матерная «цитация» разрушила бы эту высоту. Цензура и самоцензура, таким образом, вновь усложняют текст, заставляют писателя выбирать не только эвфемизмы, но и разные ракурсы изображения психологического состояния героев, тревожный, пульсирующий синтаксис, передающий драматизм момента.

Но Серебряный век был переходом к новому времени и новой поэтике, названной соцреализмом и трактуемой весьма широко. Посмотрим, как стилистически решалась проблема избегания языкового низа в советской литературе.

Отношение к обсценной лексике в советской литературе

Советский проект с его неистребимой тягой к знаниям, к культуре воспринимал обсценную лексику как наследие тёмного прошлого [12, 13]. В годы революций словесная грязь вылилась на улицу. Так, в солженицынском «Красном колесе» Апрель Семнадцатого охарактеризован в том числе

и краткой репликой автора: «На петроградских улицах – громкая смрадная брань простонародья, как раньше не смели» [14. С. 179]. Но в литературу о революции и Гражданской войне этот языковой слой не проник. «Донские рассказы» М. Шолохова, «Разгром» А. Фадеева, «Чевенгур» А. Платонова, «Конармия» И. Бабеля и многие другие произведения посвящены чудовищным ситуациям национального самоистребления, показанным с горькой правдивостью, но приметы человеческих падений, в том числе и на языковом уровне, описаны словом автора, многочисленными эвфемизмами. Поэтика табу в советской литературе унаследована от классических образцов. Учащается лишь использование корня *мат*, что в XIX в. было невозможно¹.

Кодекс чести коммуниста и комсомольца формировался именно в советских нестареющих шедеврах. В уникальном по своей судьбе и положительному воздействию на читателя романе Н. Островского «Как закалялась сталь» матерщина является знаком отрицательности характера и поведения. В основном этим грешат белогвардейцы, но нецензурно выражает свой гнев и любимая автором героическая «комса». Так, «отборным матом» крыли комсомольцы «проклятый дождь и болото» [15. С. 202], когда ложились спать на бетонный пол при строительстве узкоколейки в Боярке. Однако сам негнибачимый Павка осознаёт, что его грубая привычка несовместима с образом комсомольца. Из дневника Риты Устинович мы узнаём о том, как побледнел и «сейчас же ушёл» Корчагин, когда эта симпатичная ему девушка услышала его «отборную матерщину» [15. С. 184]. Чуть позже в ответ на провокационный вызов своего соперника по комсомолу Цветаева, который обвиняет его в пустозвонстве, Павка решительно бросает курить и даёт обещание расправиться и с бранью: «За мной остаётся ругань. Я, братва, не совсем поборол этот позор <...> Слову легче сорваться, чем закурить папиросу, вот почему не скажу сейчас, что и с тем покончил. Но я всё-таки и ругань угрублю» [15. С. 276]. Сталь закалилась. Павка победил! Тысячи молодых людей были воспитаны на этом романе, освящённом образом автора, предложившего своим примером самовоспитания и самообразования новый кодекс чести для людей из народа, в том числе и кодекс языковой сдержанности, мужества, благородства.

Ещё один важный пласт – литература о Великой Отечественной. Возьмём две повести об обороне Сталинграда. К. Симонов пишет «Дни и ночи» в 1944 г., когда враг ещё не разбит до конца. Ненависть к фашистам колоссальная. В. Некрасов опубликовал свою «В окопах Сталинграда» (1946) сразу после войны, когда раны тоже были свежи. Окопная жизнь не располагает к реверансам. Есть ли в обеих повестях упоминание о матерной брани? Да. Но самих гнусных слов нет.

¹ Интересны наблюдения М.Р. Шумариной, почерпнутые ею в Национальном корпусе русского языка: «Слова *матерный* и *по-матерному* впервые зафиксированы Национальным корпусом в произведениях 1905 г.»; «Слово *мат* НКРЯ отмечает в художественной литературе 1923 г. (произведения Д. Фурманова, П. Романова, А. Серафимовича) [6. С. 85]. До этого само слово *мат* с его производными считались несовместимыми с художественной литературой (за исключением идиомы *благим матом*).

Так, Сабуров у Симонова говорит корреспонденту Лопатину, прибывшему на позиции, что ему «страшней» сидеть на передовой, чем самому Сабурову, который всё время занят : «...я говорю по телефону – мне доложить нужно, но телефонист не слышит, я его матом, ну и за всем этим как будто и забудешь про мины» [16. С. 80]. И Лопатин соглашается с капитаном.

В самом начале повести несимпатичный командир полка Бабченко, «подвернув при прыжке ногу... выругался и заковылял... навстречу к Сабурову» [16. С. 11]. Этот герой спустя несколько дней станет причиной бессмысленной гибели бойцов. Только ли в силу запретов и социальных установок Симонов не добавляет обсценцизмы (даже с многоточиями) в речь грубого военачальника? Незадолго до трагического штурма, узнав о потере склада, Бабченко «долго и злобно ругался» [16. С. 94], вызывая ответное раздражение у подчинённых. Затем он погибает в бою, словно в расплату за собственную чёрствость к личному составу. Погиб храбрый и нечуткий командир. Можно было бы заклеить его каменное сердце и с помощью акцента на брани. Симонов уходит от этого.

Санитарка Аня Клименко рассказывает Сабурову об убитом хирурге, который «был всегда злой, на всех ругался», даже во время операций, а особенно, когда стонали раненые. Но сам умер тихо. И Аня думает, что он «на самом деле был очень добрый человек» [16. С. 20]. «Неудобно» раненный в ягодицы полковник Ремизов остаётся в строю, с досады ругаясь «по матери», – без осуждения комментирует командир штаба Григорович [16. С. 144]. И действительно, Сабуров застаёт Ремизова в раздражении и на противника, и на своё ранение: «Хуже, когда приходится командовать лёжа на пузе, – сказал Ремизов и затейливо выругался» [16. С. 147]. Непечатная лексика будто бы вовсе не занимала авторов военной прозы не только в силу языковой идеологии. Были и какие-то иные причины.

У В. Некрасова «В окопах Сталинграда» повествование ведёт уже не автор, а сам герой, лейтенант Керженцев. Переправы, рукопашные, тяжёлый быт на передовой. Повесть оказала огромное влияние на целое поколение и «никогда не уходила из поля зрения писателей лейтенантской прозы» [17. С. 62]. Учёные позже назовут стиль Некрасова поэтикой «психологического натурализма» (термин Л. Аннинского) [18. С. 29]. Но и в этой поэтике не нашлось места пресловутым корням. Экспрессия каждого момента диктует свои художественные средства. Вот ночная атака: «Мелькают в темноте, точно всполохнутые птицы, фигуры... Отдельные вскрики, глухие удары, выстрелы, матерщина сквозь зубы. Траншея. Осыпающаяся земля» [19. С. 145]. Нужно ли бранное слово в этой цепи назывных предложений? Нет. Подвиг защитников строится не на мате, хотя язык боя, военной жизни, язык приказов и мотивирующих бесед командиров – предмет особого внимания писателей-фронтовиков.

Усталые солдаты рыли окоп на простреливаемом месте по приказу взвода Сендецкого, который просто хотел таким образом согреть людей. Керженцев, оценив оплошность, даёт приказание окапываться выше, чем вызывает досаду подчинённых: «Бойцы, кряхтя и матерясь вполголоса, ползут навверх, волоча лопаты, мешки, шинели» [19. С. 125]. Живая картина обороны, со звуками, движением, предметами, рутинной окопной жизни.

Комбат Ширияев учиняет допрос интеллигентному Фарберу, потому что не понимает, как на фронте можно без ругани: даже милейший юнец Карнаухов, умудряющийся писать на передовой стихи, по словам Ширияева, «и то так загноёт, что только держись» [19. С. 182]. А Фарбер «в этой области... не очень силён». Загадка! Керженцев весьма немирно общается со многими военными, в том числе с грубым, дерзким старшиной пешей разведки Чумаком. Драматическими сценами наполнен весь роман, но нет в нём ни единого пошлого слова, а высота поступков, правда преодоления есть. Таких ситуаций наберётся в советской военной прозе десятки. Почему бывшие лейтенанты и рядовые не вставляли в тексты мат? Только ли в языковой политике дело? Разумеется, нет. Брань, даже цензурная, гасила бы непревзойдённый скромный героизм военных будней, унижала бы образ бойца, который вёл «Священную войну» со злом. Неслучайно эта песня, прогремевшая ещё в 1941 г. (авторство текста В. Лебедева-Кумача оспаривается), имела отчётливо религиозные коннотации:

Как два различных полюса,
Во всём враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они – за царство тьмы
[20. С. 3].

Острое слово знает и Василий Тёркин Твардовского, и другие герои литературы о Великой Отечественной.

Какой эффект произвело в военной прозе разрушение табу, ощутимо в восприятии творчества одного из потрясающих авторов XX в. До 1990-х гг. мужественный и лиричный одновременно Виктор Астафьев писал самые скорбные вещи без нецензурной лексики. А вот в романе «Прокляты и убиты» она вдруг появилась, вызвав негативное отношение и фронтовички-жены, и читателей, и большинства коллег по цеху, воспринявших её как личное падение большого писателя [21]. Характерно взыскательное письмо товарищу от коллеги-фронтовика Евгения Носова, который приводит бесстыжие слова героев романа и настаивает на личной ответственности писателя: «...то сквернит слух не твой герой, а сам автор» [22. С. 399]. То есть соратник по военной правде увидел в языковой грязи последнего романа Астафьева не новаторство, не стилистический прорыв, а *занижение авторской позиции*, которое разрушает поэтику целого. Это письмо – ответ и сегодняшним поборникам языкового низа: «Разве матерщина – правда жизни? Убери эти чугунные словеса – а правда всё равно останется в твоей рукописи и ничуть не уменьшится, не побледнеет...» [22. С. 399]. Об этом же говорят и слова из писем других читателей, в том числе и очевидцев войны: «Я с мамой вместе с бойцами отступала из занятого немцами пригородного г. Пушкина. Были: отчаяние, кровь; смерти, но не было мата! Блокада: были смерть, голод, холод, но не было мата! <...> Августа Михайловна Сараева-Вондарь» [22. С. 452]. Поздний Астафьев сознательно включился в тот процесс расшатывания литературных норм, остановить который в наше время

можно только введением цензуры и штрафов, а не циничными упаковками с надписью 18+. Горечь астафьевского выбора была тем ошутимее, что параллельно в том же номере «Нового мира», где печатались первые главы «Чёртовой ямы» (1992. № 11), в качестве нового слова публиковались фрагменты «Бесконечного тупика» Д. Галковского с его лихим постмодернистским смешиванием высокого и низкого и матом без многоточий¹.

И ещё один пример работы с табу – деревенская проза 1960–1980-х гг. Целые родники русской живой речи и в словах авторов, и в диалогах их героев! Большинство писателей-деревенщиков стало городскими жителями, но именно из деревни, фольклора и русской классики, щедро преподаваемой в советской школе, они вынесли любовь к красоте родного слова, его духовности. Поборником правды жизни в слове и на экране можно назвать Василия Шукшина. Пятый том его шеститомного собрания сочинений посвящён в основном киноповестям. Есть ли в них упоминания о мате? Да. Самого мата нет. Хватает эвфемизмов или просто упоминаний о страшных словах. Например, в сцене пожара на бензохранилище крики, общий испуг: «Кто-то заматерился. Все ждали» («Живёт такой парень») [24. С. 40]. А вот отец и сын Воеводины. Один занимается домашним хозяйством: «Ермолай шурился и, попадая рубанком на сучки, ласково матерился» [24. С. 52]. Другой, только что вернувшийся из мест заключения, с упоением слушает народную песню за праздничным столом и перед тем, как выразить sentimentальные чувства односельчанам, «Степан крепко припечатал кулак в столешницу, заматерился с удовольствием» [24. С. 58] («Ваш сын и брат»). Вор-рецидивист Егор Прокудин из шукшинской «Калины красной» разговаривает ярко, эмоционально, но даже в воровском притоне и он, и его дружки обходятся без мата. Эвфемизмы «язви ты (его, её) в душу», «ёлкина мать» вполне заменяют шукшинским деревенским жителям грубую брань.

И напротив, в позднесоветское время некоторые писатели, родившиеся в деревне, щеголяли матом в личном общении. Мат стал казаться некоей языковой фрондой официозу: «Деревенское происхождение рассматривалось как элемент биографии, подразумевающий “знание жизни” и опыт преодоления трудностей. Во многом это перекликалось и с поведением обкомовских начальников, среди которых умение материться почиталось доблестью и которые любили общаться с писателями в непринужденной обстановке» [25. С. 263]. С таким же сомнительным шиком щеголяли матерными выражениями представители богемы и научной элиты. Так, Митишатыев, вечный оппонент неустойчивого Лёвы Одоевцева («Пушкинский дом»), ставит себе

¹ Интересны в этой связи наблюдения челябинского лингвиста Е.В. Шелестюк, сравнившей английские сленгизмы из сериалов и их современные переводы. Она говорит о «более низком пороге восприятия сниженно-разговорной лексики русскоязычными людьми по сравнению с англоязычными», об «исторически сложившейся и сохранившейся достаточно чёткой границе между литературной и фамильярно- / сниженно-разговорной речью, <...> традиции поощрения литературной, грамотной речи, привычке среднего гражданина к нормативной речи» [23. С. 50, 52].

в заслугу умение «духовно задавить» своего соперника: «Подонки сейчас – человек главный. Все так расслабились, растеклись, что он-то один и может сказать хоть слово отчётливо, хоть матом послать...» [26. С. 237–238].

Ущербность такой позиции очевидна и в текстах, и в личном писательском поведении. Большая и разноголосая русская литература второй половины XX в., не использовавшая обсценную лексику, не стала бы фактом культуры и народной мощи, если бы её создатели боролись за матерную «правду». Табу языковое неразрывно с нравственными критериями отношения к тексту и миру вообще.

Несколько слов об использовании обсценной лексики в постсоветском культурном пространстве

В 1996 г., когда все этапы «раскрепощения» были пройдены, серьёзный учёный Н. Богомолов собрал сборник научных трудов о проблеме мата в языке, фольклоре и литературе и дал ему знаковое название: «Анти-мир русской культуры...». Негативная оценочность названия покрыла некоторые не до конца осмысленные высказывания. Так, один из авторов, А. Зорин, описал все процессы постепенной легализации мата в постсоветском пространстве начала 1990-х гг. и в весьма легкомысленном тоне наметил культурные последствия, которые ожидают язык и литературу. Учёный увидел «замкнутый круг» в матерной «свободе», тупик прежде всего стилистического плана: «Уникальные возможности мата порождают богатую литературу¹, которая требует легализации. Легализация же сокращает возможности мата, что, в свою очередь, подрывает соответствующую литературу» [27. С. 137]. Зорин подчеркнул, что «наиболее чуткие авторы» [27. С. 137] типа Т. Кибирова, любившего столкнуть книжный стиль с вульгарными вкраплениями, в своих новейших опытах ушли от этого.

Время Пелевина и Сорокина оставило в современной литературе не только интеллектуальный, но и стилистический след. В 1991 г. А. Зорин предсказывал, что результатом легализации мата будет сокращение его в речи подростков, и ошибся: мат сейчас спустился в начальную школу, стал домашним средством общения в некоторых «образованных» семьях. В литературе же он, несмотря на отсутствие запретов, на наших глазах перестаёт быть интересным и постепенно исчезает из текстов как заядлых постмодернистов, так и их эпигонов. Но свою разрушительную роль эти авторы уже сыграли: нецензурная лексика из зоны табу в русской литературе перешла в область допустимого, а значит, и формирующего читательское сознание компонента.

Заключение

Современные научные трактовки об использовании обсценной лексики прямо противоположны. Л.С. Зинковская, изучавшая интернет-отзывы на безвкусные, откровенно пошлые кинофильмы, обратила внимание на то, что

¹ Н.В.: несомненна положительная оценка этих «возможностей» филологом.

молодое поколение вовсе не считает мат признаком деградации. И сама автор рассматривает данный факт как «процесс демократизации речи» [28. С. 18]. Слово «демократизация» имеет положительную коннотацию. А ведь речь идёт о вульгаризации повседневного устного и письменного общения. В этом плане учёным следует быть осторожными. Нередко исследователи влияния обсценной лексики дают своим работам такие названия, что кажутся чуть ли не пропагандистами оной, в то время как содержание статей говорит как раз об обратном [29; 30].

Защитник мата как «части национального достояния» Г.Ф. Ковалев в своей работе в качестве аргумента без многоточий процитировал матерные выражения из записных книжек А. Платонова [4. С. 181–182]. Между тем платоновед И.И. Матвеева, специально изучавшая эту проблему, делает вывод о постепенном уходе писателя от использования этого речевого пласта: «...количество грубых слов с течением времени в произведениях Платонова неизменно уменьшалось, а их смысл смягчался», иначе как бы смог он стать «чрезвычайно серьёзным и утончённым писателем»? [31. С. 348–349]. Не вниз стремилась муза пролетарского писателя, а ввысь.

К чести русской науки следует сказать, что горечь и тревогу по поводу одичания русского человека и современной литературы высказывает большинство учёных. Ещё в 2001 г. скрупулёзный психолингвист В.И. Жельвис назвал сквернословие «социальной проблемой в языках и культурах мира» [32]. Пермские филологи Н.В. Данилевская и О.С. Туманова считают засилье мата фактом «деструктивных изменений» языка, «речевой аномалией современной массовой коммуникации» [33. С. 148], московский профессор И.Н. Лаврикова назвала современное состояние русского разговорного языка «пандемией сквернословия» и определила неизбежные риски и последствия этой болезни [34]. Сибирские учёные И.В. Евсеева, И.А. Славкина охарактеризовали распространение мата (в том числе и на товарах и одежде) как намеренное внедрение в сознание людей идеи о том, «что мат для русских стал обыденным», частью «манипулятивной стратегии», реализацией «деструктивной идеологии, подрывающей национальную безопасность РФ» [35. С. 965]¹.

Не остаются в стороне и писатели. Герой романа Михаила Тарковского Евгений Барковец, необычный, интеллигентный таксист из Сибири, влюбившийся в московскую бизнесвумен, постоянно ссорится с ней из-за её работы на телевидении, обвиняя этот инструмент СМИ в опошлении народа, в неосознанной или сознательной деформации облика людей: «Ведь вы всё время рассказываете не о них! Вы всегда рассказываете о ком-то другом! *А ведь каким о тебе расскажут, таким ты и будешь!*» [39. С. 171] (выделено мной. – С.К.). Так и современная литература в худших своих образцах, используя мат в речи персонажей, отказываясь от многоточий, внятных описательных слов автора, избегающих обсценную лексику, от эвфемизмов,

¹ См. также: [36–38].

приёмов умолчания и всей сложной, обильно разработанной стратегии порядочных людей, рассказывает русскому читателю, что русский народ в своей основе грязный, не ощущающий границ нормы и аномалии, приучивший себя к сосуществованию словесного мусора и каких-то иных смыслов. Но могут ли быть высокие смыслы у нации, которая узаконила аномалию, вписала её в своё «национальное достояние»? Физическое вырождение начинается с вырождения нравственного. И цифры демографических отчётов явно говорят не в пользу русских.

Итак, использование мата демонстрирует не столько «правду жизни» персонажа, его эмоциональное состояние, сколько мироощущение писателя (и его редактора), конструирующих эту правду, стилистическое уродство его текста, сознательно вводимое им под различными постмодернистскими или «правдожизненными» соусами. Исследователи утверждают, что «факты самоцензуры сопутствовали работе писателей, художников, быту людей во все времена» [40. С. 256]. Если писатель впустил в себя пошлость, дурновкусие, а в свои тексты несколько скабрёзных низовых корней, он однозначно занижает и текст, и сознание читателя, и свою этическую доминанту. Литература тем и уникальна, что через текст художник не только отражает мир, не только познаёт его – он его *формирует*. Мат в литературе – всегда установка на неблагородство, духовный подвал, словесную гнусность. Он вульгаризирует языковую культуру, стирает границы между прекрасным и отвратительным, травмирует интеллигентного читателя и даёт оправдание читателю приземлённому. Он так или иначе становится разрушителем, за что современным писателям и их редакторам придётся дать в своё время ответ, «ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф 12:37).

Список источников

1. Лиханов Д.А. Звезда и Крест. М. : Эксмо, 2020. 608 с.
2. Москвина Н.Р. Ненормативная лексика как социокультурная проблема современной молодежи // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы Юбилейной Всерос. науч.-практ. конф. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2015. С. 306–310.
3. Веллер М. Песнь торжествующего плебея. М. : АСТ, 2006. 362 с.
4. Ковалев Г.Ф. Русский мат как часть национального достояния // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 3. С. 175–196. doi: 10.15643/libartus-2021.3.4
5. Горький М. Полн. собр. соч. : В 25 т. Т. 15: Повести. Наброски. 1910–1915. М. : Наука, 1972. 640 с.
6. Шумарина М.Р. Лингвистический миф в отражении фольклора и литературы (на материале мифа о русском мате) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 83–98.
7. Горький М. Полн. собр. соч. : В 25 т. Т. 2: Рассказы, очерки, наброски, стихи. 1894–1896. М. : Наука, 1969. 656 с.
8. Козлова С.М. Безличный герой современной драмы // Русская литература в XX в.: имена, проблемы, культурный диалог. 2009. № 10. С. 341–352.
9. Горький М. Полн. собр. соч. : В 25 т. Т. 16: Повесть. Рассказы, очерки. Стихи. 1917–1924. М. : Наука, 1973. 632 с.

10. *Басинский П.В.* Горький: Страсти по Максиму. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. 540 с.
11. *Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем : В 23 т. Т. 6. М. : Наука, 2013. 760 с.
12. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения : В 8 т. Т. 5 / сост.: Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов. М. : Педагогика, 1985. 336 с.
13. *Некрасов С.Н.* Разрушительная мощь матерного слова: формирование психики поколения // Актуальные вопросы современной науки и образования : сб. ст. XXIX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 117–119.
14. *Солженицын А.И.* Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в ч узлах. Узел IV: Апрель Семнадцатого. На обрыве повествования Т. 10. М. : Русский путь, 2005. 703 с.
15. *Островский Н.А.* Как закалялась сталь. Роман. Переизд. Оформл. И. Фоминой. Ил. Е. Кибрика. М. : Детская литература, 1978. 400 с.
16. *Симонов К.М.* Собрание сочинений : В 10 т. М. : Худож. лит., 1979. Т. II. Дни и ночи: Повесть; Рассказы: (1943–1945); Пьесы (1940–1945). 1980. 622 с.
17. *Перевалова С.В.* Отзвуки «некрасовских окопов» в повестях Елены Ржевской // Вопросы литературы. 2024. № 3. С. 60–74.
18. *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е годы; пособие для студ. высш. учеб. заведений : В 2 т. Т. 1: 1953–1968. М. : Издательский центр «Академия», 2003. 413 с.
19. *Некрасов В.П.* В окопах Сталинграда. М. : Русская книга, 1995. 272 с.
20. Священная война. Великая победа! : коллективный сборник произведений писателей Ставрополя / ред.-сост. А.И. Куприн. Минеральные Воды, 2020. 228 с.
21. *Павлов Ю.* «Солдатская правда» Виктора Астафьева – кривда о человеке и времени // Родная Кубань. 2020. № 04. URL: https://rkuban.ru/archive/tubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_5297.html
22. *Астафьев В.П.* Собр. соч. : В 15 т. Красноярск : Офсет, 1998. Т. 15. 512 с.
23. *Шелестюк Е.В.* Перевод сленга в англоязычных кинотекстах в свете несовпадения жанрово-стилистических канонов русского и английского языков // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 49–58. doi: 10.17223/15617793/499/6
24. *Шукиин В.М.* Собрание сочинений : В 6 кн. Книга пятая. Калина красная. М. : Надежда-1, 1998. 560 с.
25. *Югай Е.Ф., Богатырёва И.С.* «Мудрец в поэзии и дурында в жизни»: самопрезентация современного поэта в повседневности // Шаги/Steps. 2021. Т. 7, № 1. С. 239–275. doi: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-239-275
26. *Битов А.* Пушкинский дом. Ann Arbor : Ardis, 1978. 412 с.
27. Анти-мир русской культуры: язык, фольклор, литература : сборник статей / сост. Н. Богомолов; Худож. Д. Шимилис. М. : Ладомир, 1996. 409 с. (Русская потаённая литература).
28. *Зинковская Л.С.* Интернет-отзывы как способ репрезентации реакции носителей русского языка на обценную лексику // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (9). С. 18–29.
29. *Ермакова А.* Русский мат как феномен культуры // Высшее образование в России. 2001. № 3. С. 104–112.
30. *Сыкеева И.Н., Молотков Ю.В.* Ненормативная лексика как культурный код новой эпохи // Культура: управление, экономика, право. 2022. № 3. С. 13–17.
31. *Матвеева И.И.* Обценная лексика // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 348–352.
32. *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 2001. 349 с.

33. Данилевская Н.В., Туманова О.С. Речевая аномалия современной массовой коммуникации // Социо- и психолингвистические исследования. 2023. Вып. 11. С. 148–153.
34. Лаврикова И.Н. Пандемия сквернословия: возможные риски и последствия // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/61KLSK323.pdf>; doi: 10.15862/61KLSK323
35. Евсеева И.В., Славкина И.А. Стратегия легитимации нецензурной лексики в публичном дискурсе как реализация деструктивной идеологии // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. № 17 (5). С. 963–976. EDN: WYNAIS
36. Крылова С.В. Новинки русской литературы XXI века : материалы к лекциям: учебное пособие : В 3 ч. / под общ. ред. С.В. Крыловой. М. : ИИУ МГОУ, 2015. Ч. 1 / под науч. ред. С.В. Овсянниковой. 2016. 168 с.
37. Курбатова С.Н., Тарасова В.С. Причины использования нецензурной лексики студентами вузов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: новые подходы и методы : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород, 2021. С. 61–69. URL: <https://apni.ru/article/2187-prichini-ispolzovaniya-netsenzurnoj-leksiki>
38. Сергеева Ю.С., Шадрин С.С., Самаренкина С.З. Употребление нецензурной лексики как проблема современного общества // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 1 (53). С. 173–175. URL: <https://human.snauka.ru/2016/01/13897>
39. Тарковский М. Тойота-Креста. М. : Эксмо, 2016. 416 с. (Серия: Претендент на бестселлер!).
40. Сидоров В.А. Самоцензура в журналистике: диалектика искажений профессиональной культуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 250–264. doi: 10.17223/19986645/84/13

References

- Likhanov, D.A. (2020) *Zvezda i Krest* [The Star and the Cross]. Moscow: Eksmo.
- Moskvina, N.R. (2015) [Profane vocabulary as a socio-cultural problem of modern youth]. *Sotsiokul'turnoye razvitiye bol'shogo Urala: trendy, problemy, perspektivy* [Socio-Cultural Development of the Greater Urals: Trends, Problems, Prospects]. Proceedings of the Jubilee All-Russian Conference. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Yekaterinburg. pp. 306–310. (In Russian).
- Veller, M. (2006) *Pesn' torzhestvuyushchego plebeya* [The Song of the Triumphant Plebeian]. Moscow: AST.
- Kovalev, G.F. (2021) *Russkiy mat kak chast' natsional'nogo dostoyaniya* [Russian obscene language as part of the national heritage]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Liberal Arts in Russia*. 10 (3). pp. 175–196. doi: 10.15643/libartus-2021.3.4
- Gor'ky, M. (1972) *Poln. sobr. soch.: V 25 t.* [Complete Works: In 25 vols]. Vol. 15. Moscow: Nauka.
- Shumarina, M.R. (2010) *Lingvisticheskiy mif v otrazhenii fol'klora i literatury (na materiale mifa o russkom mate)* [Linguistic myth as reflected in folklore and literature (based on the myth of Russian obscene language)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki*. 4 (82). pp. 83–98.
- Gor'ky, M. (1969) *Poln. sobr. soch.: V 25 t.* [Complete Works: In 25 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
- Kozlova, S.M. (2009) *Bezlichnyy geroy sovremennoy dramy* [The impersonal hero of modern drama]. *Russkaya literatura v XX v.: imena, problemy, kul'turnyy dialog*. 10. pp. 341–352.

9. Gor'ky, M. (1973) *Poln. sobr. soch.: V 25 t.* [Complete Works: In 25 vols]. Vol. 16. Moscow: Nauka.
10. Basinsky, P.V. (2024) *Gor'ky: Strasti po Maksimu* [Gorky: Passions for Maxim]. Moscow: AST: Elena Shubina.
11. Andreyev, L.N. (2013) *Poln. sobr. soch. i pisem: V 23 t.* [Complete Works and Letters: In 23 vols]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
12. Makarenko, A.S. (1985) *Pedagogicheskiye sochineniya: V 8 t.* [Pedagogical Works: In 8 vols]. Vol. 5. Moscow: Pedagogika.
13. Nekrasov, S.N. (2023) [The destructive power of profanity: shaping the psyche of a generation]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Current Issues of Modern Science and Education]. Proceedings of the XXIX International Conference. Penza: Nauka i Prosveshcheniye (IP Gulyayev G.Yu.). pp. 117–119. (In Russian).
14. Solzhenitsyn, A.I. (2005) *Krasnoye koleso: Povestvovaniye v otmerennykh srokakh v 4 uzlakh. Uzel IV: Aprel' Semnadsatogo. Na obryve povestvovaniya T. 10* [The Red Wheel: A Narrative in Discrete Periods in 4 Knots. Knot IV: April of the Seventeenth. At the Breaking Point of the Narrative Vol. 10]. Moscow: Russkiy put'.
15. Ostrovsky, N.A. (1978) *Kak zakalyalas' stal'* [How the Steel Was Tempered]. Novel. Reprinted. Moscow: Detskaya literatura.
16. Simonov, K.M. (1980) *Sobraniye sochineniy: V 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Vol. II. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Perevalova, S.V. (2024) Otvzuki "nekrasovskikh okopov" v povestyakh Yeleny Rzhhevskoy [Echoes of the "Nekrasov trenches" in the novellas of Elena Rzhhevskaya]. *Voprosy literary.* 3. pp. 60–74.
18. Leyderman, N.L. & Lipovetsky, M.N. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody; posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy: V 2 t.* [Modern Russian Literature: 1950s–1990s; Textbook for University Students: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Publishing Center "Akademiya".
19. Nekrasov, V.P. (1995) *V okopakh Stalingrada* [In the Trenches of Stalingrad]. Moscow: Russkaya kniga.
20. Kuprin, A.I. (ed.) (2020) *Svyashchennaya voyna. Velikaya pobeda!: kolektivnyy sbornik proizvedeniy pisateley Stavropol'ya* [Sacred War. Great Victory!: Collective Collection of Works by Writers of Stavropol]. Mineralnye Vody.
21. Pavlov, Yu. (2020) "Soldatskaya pravda" Viktora Astaf'yeva – krivda o cheloveke i vremeni [Viktor Astafiev's "Soldier's Truth" – a falsehood about man and time]. *Rodnaya Kuban'*. 04. [Online] Available from: https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_5297.html
22. Astaf'ev, V.P. [Astaf'yev, V.P.]. (1998) *Sobr. soch.: V 15 t.* [Collected Works: In 15 vols]. Vol. 15. Krasnoyarsk: Ofset.
23. Shelestyuk, E.V. (2024) Translation of slang in English films in the light of difference of genre and stylistic canons of the Russian and English languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 499. pp. 49–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/6
24. Shukshin, V.M. (1998) *Sobraniye sochineniy: V 6 kn.* [Collected Works: In 6 books]. Book 5. Moscow: Nadezhda-1.
25. Yugay, E.F. & Bogatyryova, I.S. (2021) "Mudrets v poezii i duryndra v zhizni": samoprezentatsiya sovremennoogo poeta v povsednevnosti ["A sage in poetry and a fool in life": self-presentation of a contemporary poet in everyday life]. *Shagi/Steps.* 7 (1). pp. 239–275. doi: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-239-275
26. Bitov, A. (1978) *Pushkinskiy dom* [Pushkin House]. Ann Arbor: Ardis.
27. Bogomolov, N. (comp.) (1996) *Anti-mir russkoy kul'tury: yazyk, fol'klor, literatura: sbornik statey* [The Anti-World of Russian Culture: Language, Folklore, Literature: Collection of Articles]. Moscow: Ladomir.

28. Zinkovskaya, L.S. (2022) Internet-otzyvy kak sposob reprezentatsii reaktsii nositeley russkogo yazyka na obsshennuyu leksiku [Online reviews as a way of representing the reaction of Russian speakers to obscene vocabulary]. *Filologicheskiy vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1 (9). pp. 18–29.
29. Ermakova, A. (2001) Russkiy mat kak fenomen kul'tury [Russian profanity as a cultural phenomenon]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. 3. pp. 104–112.
30. Sykeyeva, I.N. & Molotkov, Yu.V. (2022) Nenormativnaya leksika kak kul'turnyy kod novoy epokhi [Profane vocabulary as a cultural code of the new era]. *Kul'tura: upravleniye, ekonomika, pravo*. 3. pp. 13–17.
31. Matveyeva, I.I. (2003) Obsshennaya leksika [Obscene vocabulary]. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonova: problemy tvorchestva* [Andrey Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creative Work]. Issue 5. Moscow: IWL RAS. pp. 348–352.
32. Zhel'vis, V.I. [Zhelvis, V.I.]. (2001) *Pole brani. Skvernosloviye kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Field of Battle. Swearing as a Social Problem in the Languages and Cultures of the World]. Moscow: Ladimir. 349 p.
33. Danilevskaya, N.V. & Tumanova, O.S. (2023) Rechevaya anomalija sovremennoy massovoy kommunikatsii [Speech anomaly of modern mass communication]. *Sotsio- i psikholingvisticheskiye issledovaniya*. 11. pp. 148–153.
34. Lavrikova, I.N. (2023) Pandemiya skvernosloviya: vozmozhnyye riski i posledstviya [Pandemic of foul language: possible risks and consequences]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*. 14 (3). [Online] Available from: <https://sfk-mn.ru/PDF/61KLSK323.pdf>; doi: 10.15862/61KLSK323
35. Yevseyeva, I.V. & Slavkina, I.A. (2024) Strategiya legitimatsii netsenzurnoy leksiki v publichnom diskurse kak realizatsiya destruktivnoy ideologii [The strategy of legitimizing profanity in public discourse as a realization of destructive ideology]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. 17 (5). pp. 963–976.
36. Krylova, S.V. (ed.) (2016) *Novinki russkoy literatury XXI veka: materialy k leksiyam: uchebnoye posobiye: v 3 ch.* [New Works of Russian Literature of the 21st Century: Materials for Lectures: Textbook: in 3 parts]. Part 1. Moscow: MRSU.
37. Kurbatova, S.N. & Tarasova, V.S. (2021) [Reasons for the use of profanity by university students]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki: novyye podkhody i metody* [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences: New Approaches and Methods]. Proceedings of the International Conference. Belgorod. pp. 61–69. [Online] Available from: <https://apni.ru/article/2187-prichini-ispolzovaniya-netsenzurnoj-leksiki> (In Russian).
38. Sergeyeva, Yu.S., Shadrina, S.S. & Samarenkina, S.Z. (2016) Upotrebleniye netsenzurnoy leksiki kak problema sovremennoy obshchestva [The use of profanity as a problem of modern society]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya*. 1 (53). pp. 173–175. [Online] Available from: <https://human.snauka.ru/2016/01/13897>
39. Tarkovsky, M. (2016) *Toyota-Kresta* [Toyota-Cresta]. Moscow: Eksmo.
40. Sidorov, V.A. (2023) Self-censorship in journalism: the dialectics of professional culture distortions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 250–264. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/13

Информация об авторе:

Крылова С.Н. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения (Москва, Россия). E-mail: sv.krylova@gur-pros.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Krylova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, State University of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: sv.krylova@guppros.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.03.2025;
одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 26.01.2026.*

*The article was submitted 13.03.2025;
approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 26.01.2026.*